

Очки для секса

Лина Дорош

Лина Дорош

**Очки для секса. Побег первый,
столичный. «Уйти, чтобы...»**

«Издательские решения»

Дорош Л.

Очки для секса. Побег первый, столичный. «Уйти, чтобы...» /
Л. Дорош — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854813-0

Профессиональная линия по уходу за эмоциями в домашних условиях. Эта история для нас. Тех, кто хоть раз в жизни хотел бросить всё и уехать. Успешная карьера, счастливый брак — а возникает чувство: что-то не так... Еще эту историю можно читать с конца. И даже лучше читать именно так. Хотя выбор — за Вами. Эта история для подруг. Для поднятия и укрепления национального достоинства — хорошего женского настроения.

ISBN 978-5-44-854813-0

© Дорош Л.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
I	7
Портрет	9
II	13
III	19
Альтер эго	25
IV	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Очки для секса Побег первый, столичный. «Уйти, чтобы...»

Лина Дорош

Мифы. Легенды. Древняя Греция. Современная Москва.

Какая связь? Никакой.

Просто артикуляционная гимнастика:

фффы! ддды! цци-ййя! вва!

Дизайнер обложки Саша Салтанова

Редактор Мария Очеретина

© Лина Дорош, 2017

© Саша Салтанова, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-4813-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Вообще эта история – номер два из серии «Уйти, чтобы вернуться» (именно так она называлась изначально). И номер три из серии историй о побегах. В данном случае – побег в столицу или побег столичный – смотря, каким частям речи отдавать предпочтение: существительным или прилагательным. Задумывалась последней, а завершилась первой – такая вот женская логика.

Эта история для нас. Нас – много. Тех, кто хоть раз в жизни хотел что-то сильно изменить в жизни, например, бросить всё и уехать. Успешная карьера, достаток, счастливый брак – независимо от их присутствия в жизни возникает чувство, что что-то не так... не то... не те... а если? а вдруг? Эта история для всех, задумывавших побег, но не решившихся на него. И хорошо, что не решились. В конце приходит понимание, что жизненно необходимым для нас было совсем не то, что казалось таковым. Я сама из этих нас... Достаточно до конца прожить побег вместе с этой книгой. Результат будет совершенно тот же, что и у сбегавших реально. Поверьте.

Еще эту историю можно читать с конца. Может быть, даже лучше читать ее именно так. Потому что в начале, пока герои еще не разговорились, пришлось злоупотребить монологом. В финале же – диалог, а все знают – подслушивать гораздо приятнее, чем выслушивать нотации (пусть и веселые). Хотя выбор – за Вами.

И еще: не пугайтесь – иногда у глав будут названия!

Как обычно, забыла самое главное – приятно познакомиться с Вами, уважаемый и, что уж там скрывать, дорогой читатель. Хотя почти на 200% уверена, что Вы – читательница. Потому что эта история для подруг. Для поднятия и укрепления национального достояния – хорошего женского настроения.

I

Золушки и пути их миграции

Она приехала в Москву. Она – это Аня. Приехала на неопределенный срок. Событием для Москвы это, мягко говоря, не назвать. Отчего-то не стало это событием и для нее самой. Зачем тогда это всё? Хороший вопрос! Жаль, ответа на него нет.

Сюда (так называется Москва изнутри) «понаезжает» много, давно и регулярно. Едут люди разные и по-разному. Молодые – покорять Москву. Лет в тридцать – либо от пепелища какого провинциального, либо в поисках оно́го, но уже столичного.

Москва, она как последняя инстанция, как другая планета. Как знать, что бы стало с тремя сестрами, если бы они все-таки сюда доехали... Здесь можно раствориться. Можно как будто перестать существовать. Не навсегда, конечно. Можно уйти, чтобы вернуться. Если опять же захочется. Начать снова. Стать другим человеком. С другой историей. Перепозиционироваться. Провести персональный ребрендинг. Ну, как минимум – ренейминг... Стать востребованным продуктом. В общем, набраться силенок и блеснуть. Или даже засиять. Да, очень востребована Москва у провинциалов. Все хотят стать... Золушкой.

Москва – Мекка для Золушек начинающих. Сюда едут свято верящие в две вещи. Во-первых, что сказка про Золушку – чистая правда. И, во-вторых, что Золушка или Золушк – это именно я! Это восклицает не автор, а они – Золушки и Золушк – молодые на вид и мозгами люди, исповедующие жизнь в креативе. Я – та или тот единственный из сотни-другой-третьей-пятой, кому повезет!

Вот в Питер едут искренне верящие в другое. Их вера в том, что андеграунд – это «подлинное имя моё». И «Шнур – мой брат, но нас разлучили в детстве». Еще в Питер едет много верующих родственников из фамилии Экспатов, но они – не наши, это импортные Золушки. Хотя. В большинстве случаев они – Золушк. В Москве представителей этой фамилии не меньше, чем в Питере, но финансово-аристократической элитой они сумели стать только в Северной столице.

В Северную Америку едут Золушки со стажем. Едут хоккеисты, но их, во-первых, мало, а, во-вторых, их отъезд не связан с вопросами веры. Едут те, кто не верит в свое будущее «здесь». Зато верит в то, что станет североамериканской Золушкой или Золушк. Приживаются в Северной Америке те, кто по профессии или по сути своей человеческой – компьютерщики или программисты, в общем, нечисть (пусть и очень «симпатичная»), властвующая над «металлом» 20 и 21 века. Им, по сути, все равно, где жить своей отдельной, автономной, не связанной с внешним миром, жизнью. Некомпьютерщики-мужчины возвращаются, столкнувшись с неразрешимым в Америке «женским вопросом». А женщины – как обычно едут в поисках «Прынца».

В Европу едут дизайнеры. Шутка.

Но при всем при том, почти все и почти везде едут работать именно Золушками. Хотя никто в этом не спешит признаваться. Ни Золушка, ни Золушк.

В отбытии в «прекрасное далеко» для всех отъезжающих есть один плюс: прежде чем стать «Прынцессой» или «Прынцем», Золушки учатся работать и готовы они мыть посуду (работать официантом), перебирать чечевицу (делать гамбургеры) и сажать розы (убирать улицы) – то есть все то, что дома считалось не барским делом, вызывало брезгливость и было несовместимо с жизнью будущей Королевны, простите, «Прынцессы». А в рамках сюжета про Золушку – это становится частью светлого пути к сказочно прекрасному финалу.

Ну да ладно. Оставим в покое забугорных Зблушек и Золушкóв. Вернемся к отечественному варианту – счастливому прибавлению нашей столицы, новой обительнице большого московского «сюда».

Обычно приезд в Москву как-то странно связан с пустотой в карманах. У подъезжающего к одному из московских вокзалов есть иллюзия или мечта, что Москва – поле чудес. Здесь карманы наполнятся автоматически и, что немаловажно, сразу по приезде, и даже не придется ничего предварительно закапывать в землю.

Наша Аня – исключение (в некотором смысле), она приехала в Москву со своим, пусть и невеликим, состоянием (50 000 баксов, примерно). Правда, состояние это было представлено довольно странным набором вещей. Вещей брендовых, потому и составляющих в сумме почти состояние. Первое, что получило вид на жительство в Москве, – маленький и красивый ноутбук. К нему – кожаная сумка. В не менее кожаную и брендовую сумку отправились: горнолыжный костюм (типа «эскада спорт»). Стильный фотик в стиле Джеймса Бонда. Электрическая зубная щетка. Кремики-помадки французские – одно кило. Телефон сотовый, продавший который в Москве, можно было сделать первый взнос за квартиру в Загоруйске-Забобруйске. Были часы, туфли и сапоги. И еще кое-что из очень ценных для женщин радостей.

Портрет

Аня знала, что с внешностью ей повезло. Хотя особой природной яркости Бог не дал. Волосы длинно, но не отращены, а острижены. Стрижка выбиралась исходя из эстетико-экономических соображений. К цирюльнику Аня ходила хорошему-дорогому, поэтому остановилась на варианте, который одинаково, хотя и по-своему, хорош на разных стадиях отрастания волос. Получалось, что платить цирюльнику дань приходилось, но только раз пять-шесть в год. Природного цвета своего она уже не помнила. Когда-то давно была девочка-блондинка. Сейчас пробивался какой-то неопределенный колор, поэтому его постоянно уточняли, то есть просто закрашивали. В почти блондинку. Но не совсем блондинку! Темноты в отдельных прядях делали ровно столько, чтобы намекнуть на присутствие, какого-никакого, а серого вещества, которое в провинции называется «ум». Чтобы по цвету волос все понимали: ум у нее облегченный, но не совсем легкий.

Рост свой Аня определила, как «без 5 см модельный». С каблуками она легко преодолевала планку 170. А с хорошими каблуками – и 175. Если подкрасить серо-голубые глаза, то они эффектно смотрелись на светлом лице. Очень хотелось обнаружить изъян в этой аристократической бледности. Но! Дудки! Кожа фарфоровая – и всё тут! В остальном – данные вполне заурядные: нос слегка курносый, рот обычно в форме улыбки, руки длинные пальцами, грудь – на месте. Теперь со спины: задница – что надо, спина – прямая, ноги – не очень хорошо... не очень хорошо, что в брюках. Вот когда в юбке... тогда то, на что намекают брюки должно быть очень даже ничего. Длинно. Стройно. Прямо.

Конечно, ее замечали на улице. Замечали, когда в красном или на «ахренительно» правильных каблуках. Или с деталью какой из ряда вон: огромный браслет и микроскопическая сумка, в которой не всякая пудреница поместится. Или невероятно большая сумка-сума и высоченные ботфорты. Аня не была уверена, что внимание привлекала именно сумка-сума, а не ботфорты. Но помочь ей предлагали поднести именно сумку-суму, а не ботфорты. Поэтому решено было, что они работают в паре и все заслуги – поровну.

В то же время если нужно было стать незаметной, то надевать шапку-невидимку ей не было необходимости. Надо было всего-навсего надеть обычные джинсы с обычной курткой и обычные кроссовки, отдохнуть от макияжа и закрыть очками глаза. Аня становилась такой же приметной, как почтальон или продавец. Моль. Тень. Мышь серая. Никто внимания не обратит, если ей того внимания не надо.

А если надо? Бежать переодеться и краситься? Сказать: «Подождите полчасика, пожалуйста! Я сейчас! Вы только дождитесь! Вы меня не узнаете! Я, знаете, какой могу быть? У-у-ух! Подождите! Я сейчас!» И со всех ног бежать? Конечно, нет! Как у всякой женщины, на этот случай у Ани было припасено секретное «оружие». Надо было снять очки и «включить» глаза, и засмеяться. Вернее, наоборот: засмеяться, а потом еще и глаза «включить». Ее смех действовал так же, как взгляд гейши – заставлял обернуться или остановиться любого мужчину. Но было побочное действие – женщины тоже оборачивались, а могли и остановиться. Поэтому надо было применять «оружие» точно и направленно. И тогда мужчинам сразу начинали мерещиться «ахренительно» правильные шпильки, короткая юбка и майка в обличку – и, конечно, всё очень красное. И будто бы всё это на ней.

Были ситуации опасные, с точки зрения несанкционированного срабатывания «оружия». Например, автоматическое «включение» взгляда и смеха происходило после бокала вина. Аня и не хотела, и не собиралась, но электрический заряд образовывался. Поэтому сначала – санкция на применение «оружия», потом бокал. И тогда – вариант беспроигрышный (особенно если вино белое), но не всегда легкодоступный. Есть еще такие «дикие» места и ситуации, где и когда не бывает не только белого, а совсем никакого вина, да и вообще алкоголя нет. Что

тогда? На этот случай был разработан план «Б». У Ани была эта очень полезная привычка – всегда иметь план «Б».

Не только женщин возбуждает мужской орган из двух букв. Аня обнаружила удивительный факт: при тотальной симпатии мужчин к блондинкам, они (мужчины) почему-то не остаются равнодушными к женскому уму. Мужчины вообще очень парадоксальны, но этот парадокс ее просто ошеломил. На данном наблюдении и был основан план «Б». Чтобы выиграть время и добраться до бокала вина или до шпилек, надо было улучшить момент и, будто невзначай, сказать что-нибудь. Серое вещество, обычно в соавторстве с интуицией, выдавало вариант «в десятку». А поскольку от почти блондинки ждут приятного голоса и только, то настраиваются, чтобы получить удовольствие от звучания, а не от содержания речи. И тут Аня неожиданно низким для блондинки и таким обволакивающим голосом говорит... колкость, потом другую или, еще неожиданнее, дерзость (и весьма изящную). Удивление наступает внезапно и моментально, затем стремительно возникает интерес, а это уже электричество, которое без вина включает «взгляд» и улыбку, а то и смех. А дальше всё как в случае с бокалом вина – собеседник уже видит Аню на каблуках, в короткой юбке и майке в облипочку – и всё это, конечно же, в нужной степени красное.

Зная действенность всех этих приемов, Аня, как каратист, старалась не провоцировать. Без нужды. Пить вино, смеяться и выражаться только в хорошо знакомой компании, среди людей, у которых выработался иммунитет на несанкционированное срабатывание ее невинного «оружия». Потому как в душе Аня была доброй. Вот правда. Доброй. Она не любила доставлять людям беспокойство и беречь душу. Тем более, что чужое душевное волнение редко передавалось ей. А чувствовать себя поджигателем – не самое приятное чувство. И, чтобы не терять бдительности, она стала постоянно носить в кармане зажигалку. Хотя сама не курила. Зажигалка досталась ей случайно – чей-то корпоративный сувенир. Или ее кто-то забыл на столике. Или кого-то попросили забыть. В общем, у Ани в собственности оказалась зажигалка, очень красивая. Стальная. В черном кожаном чехле. Сталь давала приятную тяжесть в руке и холодила, а от кожи, наоборот, – было ощущение тепла. И ей надо было придумать применение. Ну не начинать же курить! И Аня придумала. Зажигалку нужно было достать из чехла и зажечь. Всё просто. Но ситуация, в которой ее доставали и зажигали! В момент знакомства или свидания, пока загорался огонь зажигалки, Аня успевала себя спросить: «Оно мне надо?» Удивительно, но ответ она получала. И дальше действовала в зависимости от полученного ответа. Результат применения зажигалки оказался ошеломляющим: событий в жизни от этого стало меньше, но не мало. А сожалений по поводу содеянного не стало совсем.

Надо сказать, что с возрастом сливаться со средой становилось всё сложнее. В двадцать Аня специально одевалась, чтобы все увидели – «она в красном». К тридцати – пришлось, наоборот, приобрести специальные джинсы, куртку и очки, чтобы сливаться с пейзажем.

Иногда талант увлекаться людьми удавалось сублимировать в шопинг. Но тут зажигалка не работала! Пришлось искать дополнительное противоядие. Оно нашлось. Так же случайно, как и зажигалка. Однажды, купив очередной килограмм косметики, она зашла выпить кофе в примагазинной кофейне. Там было красиво. Девушки на потолке, стены красные, музыка такая витиеватая и официантки в брюках и платьях. Окна занавешены, чтобы никто не стремился отсюда уйти. Принесли горячий шоколад с имбирем. Надо было восстанавливать нервную энергию, которая тратится пропорционально весу покупаемой косметики. А еще надо было принять решение, покупать или нет те полкило, которые она отложила в магазине. Подруга еще блуждала среди баночек с женским покоем (на 5—10 минут, потом смыть теплой водой) и счастьем, что целый мир работает на твою красоту. Шоколад выпит. «Моцарт» съеден. Очень вкусным оказался здесь ее любимый торт. И чтобы удержаться и не повторить порцию очень вкусных калорий, Аня стала рассматривать салфетки – на столике больше ничего не было. Тут раздался звонок, и надо было срочно куда-то записать телефон. Записала

на салфетке. Подруги всё не было. Аня начала рисовать на салфетке и неожиданно пришла мысль, что килограмма ей на сегодня вполне достаточно. И те полкило, что отложены, такие же лишние сегодня, как и второй «Моцарт». В общем, эту волшебную салфетку она прихватила с собой. Но свободное место на салфетке быстро закончилось! Тогда она купила блокнот. Маленький, карманный, с горчичными страничками, в котором очень приятно писать.

И появился ритуал: увидев вещичку, она садилась в кафе и под кофе начинала что-то писать про эту штучку, и – о чудо! Страстное желание обладать ею улетучивалось, как яркость аромата остывающего кофе. Но иногда желание не исписывалось в блокноте, и тогда приходилось идти и покупать вероломные туфли, или сумку, или духи. Потребление косметики уменьшилось с килограммов до полукилограммов, снизилось и количество единиц приобретаемых вещей. Зато выросло количество страниц потребляемой бумаги. «Раз закон сохранения энергии или материи работает, – решила Аня, – значит, всё идет правильно».

Да, вы уже поняли, что Аня была из странной категории провинциальных охотниц за брендами. Почему-то она не могла купить просто телефон. Телефон должен был не только звонить, но вызывать экстаз от взгляда на него, причем и у хозяйки, и у окружающих. Но особенно у хозяйки. И вот наступил момент, когда жизнь оказалась завалена брендовым бараклом. По брови завалена. И пустяк, если бы это понимали только окружающие. Самое неприятное, что это стало Аниным устойчивым внутренним ощущением. Трагедия? Упаси Бог! Фарс. Просто фарс. Из которого, при соответствующей литообработке, может получиться вполне приличная комедия.

Так вот. Вернемся к сейчас. Конвертируемые шмотки Аня взяла, а денег наличных решила избежать. Карточку банковскую с более круглой (даже по московским меркам) суммой она, конечно, прихватила. Но еще дома отнесла ее к категории «НЗ», что значило: «ни за что!», «не замужем», «не заводись», «не Зина», «не зачет», «не звезды!» и, наконец, «неприкосновенный запас». Решено было выживать без нее.

А без вещей Анька (за фамильярность она нас простит – уточнили на берегу) выжить не могла. К вещам у нее всегда была особая страсть. И тайна была в этих отношениях. Анька любила не просто брендовые вещи, а вещи брендовые с недостатками.

«Они почему-то вызывают особую теплоту. И не потому, что чаще всего их продают со скидкой. Хотя и это приятно. Вот зонт. Он один из трех одинаковых. И вдруг — царапина на ручке... можно взять другой — идеальный, с точки зрения продавца, но... Недостаток — понятие относительное, а брак — это неспособность увидеть в предмете изюминку. «Я помню все твои треицинки...» Так и у вещей: индивидуальность, единственность, особость — тоже в «треицинках». Не бывает одинаковых треицинок, поэтому не будет второго такого же зонтика ни у кого. Так с помощью предметов находит внешнее проявление наше внутренне ощущение своей единственности.

И я уже люблю эту-это-этой-эти (сумку, пальто, зонт, палантин, телефон, очки...) ... и больше всего люблю в ней-нём-них — ну, конечно, — треицинки.

А еще для меня есть два самых стильных ответа на вопрос: «А Вы знаете?»

Первый: «Да, конечно.». Именно с точкой до кавычек. Спокойная завершенная уверенная интонация. «Знаю об этом со времен потопы» или «Знаю, был лично знаком с Понтием Пилатом, Иудой — и могу дать экспертную оценку событий в „Мастере и Маргарите“. Кстати, в портрете Воланда Михаил Афанасьевич допустил одну неточность. Ну, да Бог с ней». Или точка чуть скромнее: «Знаю, читал в оригинале. О точности перевода, правда, можно поспорить». И процитировать на французском, или английском, или простом китайском («Маленького принца», «Гамлета» или «Книгу перемен»).

Второй вариант ответа – «Нет, не знаю...». И многоточие. Гвинет Пэлтроу не смотрит голливудские блокбастеры. Владимир Ленин не знал, кто такая Джоконда. При этом ни ей в стиле, ни ему в умении привлекать инвестиции не отказать. С легкостью уметь отвечать «Да» и «Нет» – это очень стильно. А с улыбкой признаться, что чего-то не знаешь, – для этого надо быть, как минимум, уверенным в себе человеком.

Да, я люблю вещи с недостатками. И людей с недостатками. Я люблю недостатки. Кроме, пожалуй, плохих зубов и кружек с отбитыми краями. Это не стильно. И уверенности не придает. Ни их обладателям, ни окружающим».

Это было последнее, что попало в багаж, – карманный блокнот с горчичными страничками. Что-то вроде дневника, только не событий, а мыслей. Такое, в смысле мысли, случается даже у любительниц брендов и почти блондинок. «Хороший, кажется, получился текстик, – думала после точки Аня, – надо бы попробовать... пристроить его куда-то, что ли... Вдруг получится?»

II

Ура! Первые диалоги!

В Москве у неформатной Золушки жили друзья. Несколько. И не первый год жили. Они всегда ждали и звали. Но о приезде им сказано не было. «Возможно, чуть позже?» – так думала Аня, делая первые шаги по московской земле. В джинсах, кроссовках и очках. Сейчас они были лишними. Это не про вещи. Да простят друзья такие мысли в отношении них. Сейчас Аня была в другой Москве, не в той, где жили они. Добрые и хорошие. Они ее любят. Приютят. Согреют. Только этого тепла ей сейчас не требовалось. Совсем. Почему? Хороший вопрос! Только ответа на него искать не хотелось.

Мечталось побороть привычку «туго заплетать косички». Как в анекдоте с девочкой, которая постоянно улыбалась. И год, и два, и семь. Оказалось, что ей просто косички туго заплетали все семь лет. Так и с Аней. Люди привыкли видеть ее постоянно улыбающейся. Это очень помогало, и в работе тоже. Людям комфортно и спокойно, когда им улыбаются. Поэтому серьезное выражение Аниного лица вводило окружающих в состояние ступора. Внушало тревогу, что случилось страшное. А если еще и непоправимое? И с надеждой ее спрашивали:

– Что у тебя случилось, Ань?

– Ничего.

Надежда, что страшное касается только Ани, не оправдывалась. Тогда в вопросе уже слышался испуг:

– Тогда почему у тебя такое лицо?

– А! Просто косички сегодня не туго заплела. Ну, понимаете, волосы устают, если их постоянно туго заплетать, – Аня пыталась изобразить улыбку, – волосы, говорю, устают.

– Какие косички, Ань! Я тебя сроду с косичками не видел, – человек искренне недоумевал и еще сильнее пугался, что от него что-то скрывают.

– Зеркало есть? – Аню ситуация забавляла всё сильнее.

– Нет, а что? – человек запутывался окончательно.

– Хотела убедиться: неужели нет косичек? Потому что я-то чувствую, что они есть! И хронически туго заплетены, представляешь?

– Издеваешься?

– Есть маленько, ты прости, – она брала собеседника под руку. – Настроение неважное сегодня. А в остальном – всё хорошо. И миру ничто не угрожает.

– А косички-то при чем?

– А косички, они всегда в тему! Ты это учти и запомни, – она хлопала по плечу и отпускала собеседника самостоятельно додумывать проблему до конца.

Делая первые шаги по московской земле, Аня радовалась, что не чувствует косичек. И их отсутствие никого не напрягает.

Сейчас было утро. И предстояло много дел. План действий минимум: устроиться на работу (не факт, что удастся быстро пристроить привезенные текстики), чтобы не продавать вещи и не доставать «НЗ». После работы найти фитнес-зал, который окажется по карману. План действий максимум – это минимум плюс вспомнить о душе и обходить стороной ЦУМ на Петровке, Столешников и еще несколько переулков. «Клянусь, клянусь, клянусь!» – Аня забыла, какую руку надо поднять, поэтому подняла обе. Чтобы точно не забыть клятву, на левой руке был поставлен крестик.

Мысли про работу не были шуткой или выдумкой. Ехала Аня подготовленной. Нашла через Интернет людей. Точнее, одного человека. Ее звали Майя. Майя состояла на госслужбе.

В мэрии московской. Не начальство, но чиновник средней руки, который еще не забыл о проблемах простых людей, и помнил, что для счастья им нужны как минимум две вещи: хлеб и что-то от Армани, – а полное счастье начинается с трех предметов: хлеб и что-то от Армани и Прада.

Аня с Майей сначала здорово болтали в аське, потом с тем же удовольствием продолжили болтать по телефону. И Аня поняла, что у нее появилась подруга новой генерации. Их связывает непонятно что. Точнее понятно – ничего их не связывает кроме удивительно сходного по составу словарного запаса, одинакового способа построения фраз, усталости от накопленной успешности. Или неуспешности? Вот-вот! И этот знак вопроса их тоже связывал. В общем, они, одинаково прикалываясь, ныли и хотели что-то изменить в своей жизни. Но в одиночку было страшновато, поэтому решено было объединиться. Они обсуждали шмотки и книги, фильмы и концерты. Ближний Анин круг отодвинулся куда-то на периферию. Возникло непреодолимое желание выпить кофе лично, а не синхронно заочно. И тут Аню шарахнула мысль о заваленности жизни брендовым бараклом. А с кем поделиться? Ну не с теми же, кто физически рядом, учитывая, что они и сами такие же захламленные. Лучше уж с такой же захламленной, но физически далекой подругой. Если что – поставила в игнор и живи спокойно дальше. И пар выпущен, и круг общения в общем не пострадал.

Вот и поделилась Аня с Майей. А та почему-то поняла, хотя пару минут назад обе пели оду брючкам от Армани. А тут, оказывается, у обеих в душе – тоска... по юбкам. Шутка. Накопилась усталость от формы. Зарабатываешь деньги – тратишь. Обсуждаешь, как потратила. Думаешь, на что еще хочешь потратить. Опять зарабатываешь. Иногда идешь не в модное кафе или ресторан, а на концерт. И на концерте почти слезы. Потому что восторг в душе случается неожиданно. Аня делилась с новой Интернет-подружкой:

– Случайно послушала Берлиоза. Какая-то струна зазвучала внутри. Хотя меня в детстве не тренировали слушать классику. Спасибо школе, после которой я знала, что эту фамилию можно найти у Булгакова. А тут – такой однофамилец! Знаешь, Май, чего-то захотелось захотеть. Но не успела понять, чего именно, – после концерта зашли в сушичную, выпили сливового и съели роллов – тут же забыла про Берлиоза.

– У меня было то же самое! – с неожиданной экспрессией в голосе «зазвучала» Майя. – Только здесь в Москве, на концерте Башмета. И потом тоже в сушичную ходили!

– Майя, так я тоже не самого Берлиоза слушала! Получается, на нас с тобой Башмет одинаковое действие оказывает! Или роллы со сливовым? Май, вот почему мы не можем только о музыке поговорить? Почему тут же обязательно гастрономическая тема возникает?

И так было постоянно. Только промелькнет что-то в душе – как комфорт и модная привычность возникают и возвращают к себе. «Лучшее – враг хорошего», – этим удавалось девочкам себя успокаивать всегда.

Был такой случай. У Ани появился очередной мальчик. Относился к ней с пылом-жаром. Но, поскольку он «пока никто и звать никак», считать его родным хотелось, но не моглось. А циничного и состоятельного любителя комфорта, который поддерживал в отношениях постоянную температуру 36,6, хотелось не считать родным, но не получалось. Пылкость мальчика была такой притягательной, что решено было выяснить отношения с мистером Комфортом.

– Знаешь, я, кажется, влюбилась. В не тебя, – сказала Аня одним комфортным вечером.

– Да-а?! И где ты с ним была? – он оторвал глаза от плазмы и хотел поставить стакан с виски на пол, но вместо этого добавил еще напиток, льда, отхлебнул и обратно откинулся на диван. Полулежал и, не отрываясь, смотрел на Аню. Злости во взгляде не было. Было умиление.

– Я не расслышал, что ты сказала, – получилось как-то по-отечески. Правда, виски Комфортный глотал в более быстром темпе.

«Сказать, что нигде, что гуляли по набережной, сидели на скамейке?»

И вместо этого Аня сказала:

– Хочешь чаю?

– Да, спасибо. Видишь, ты сама всё про свою влюбленность поняла, дорогая.

Что такое «журавль в небе»? С чем его едят? И когда его едят? А тут – синица. В смысле квартира в виде минидворца, у каждого – машина. Общая любовь к хорошим винам и кухне. Да, тебя любят условно. Как элемент комфорта. А там ты – смысл жизни. Но ведь любой женщине под тридцать понятно, что так любят все мальчики в двадцать три. А в сорок мальчики любят уже себя и комфорт. Так если через несколько лет разницы никакой не будет, то зачем что-то менять? Тем более есть тайное опасение, что в комфортную жизнь может попасть уже другая девочка, чуть-чуть моложе. Лет на пятнадцать-семнадцать – не больше! Хотя кто его знает, какой уровень комфорта будет предложен...

Встреча с Журавликом случилась в маршрутке. Так бывало, что Аня бывала иногда без машины. Вот и тогда – заранее объявили, что трудовой коллектив собирается испить на работе шампанского. Испили быстро. Аня вышла на улицу. Было не поздно. Не ночь. И не холодно. И вообще было как-то всё равно. Она шла мимо остановки, и перед ней остановилась маршрутка. Молодой парень открыл дверь, посмотрел на Аню и подал руку. Аня почему-то поняла, что маршрутка идет в ее сторону. Подала руку парню и зашла в салон.

Он зашел за ней. На улице было почти тепло, но не повод, чтобы расстегивать куртку. А его куртка была расстегнута. Не очень хорошая, но модная куртка. Джинсы тоже не для тепла. Гардероб был такой универсальный, варианта «и зимой, и летом модный парень я». Придумывается легенда «я – морж». И самое худшее, что случается, – это мороз зимой максимум на несколько дней. В эти по-настоящему зимние дни легенда не спасает, и таким парням приходится прогуливать институт и все вечеринки, потому что «реально холодно». Этот мальчик был не из гламурных. Не тонко-стильный, а, скорее, наоборот – очень даже конкретно-крепкий. Стрижка не модная, а просто копна кудрей. Аня в тот день оделась как-то по-девчачьи: короткий пуховик, джинсы, высокие сапоги и мало косметики.

Пока она искала деньги, услышала, как парень сказал: «Два». Она еще подумала: «Странно, он – один, и где же девушка?» И ей стало как-то неприятно, что он, оказывается, не один. Хотя в салоне кроме них по-прежнему никого не было. Так получилось, что они сели напротив друг друга. Случайно получилось. Почти коленки в коленки. Пока он говорил это свое «два», она нашла деньги и сказала про себя: «Ну и ладно!» Кому и почему сказала – сама не знала. Протянула купюру, а он ее не передал. Подержал в руках и положил в карман.

Она напряглась: почему это он не торопится передавать ее деньги, а потом поняла! Он заплатил за себя и за нее... а ведь ее почему-то задело, как он сказал «два». Хорошо так сказал «два». Что она даже позавидовала той, кто эта «два». И руку он тоже подал хорошо. Хороший мальчик. Ей стало спокойно и приятно, что «два» – это она. Просто так приятно. Без потом.

Мальчик смотрел на нее, но делал вид, что звонит по телефону, что ему надо срочно всем позвонить. А она смотрела в окно. Он смотрел на нее, будто сосредоточившись на звонке. А ему, как назло, никто не отвечал. Он набирал следующий номер. Опять тишина. Третий. Наконец, кто-то ответил. Аня опять почему-то напряглась. «Девушка или нет? Нет, говорит с другом», – она успокоилась. Мальчик говорил про какую-то вакансию. По его разговору Аня поняла, что он очень молодой мальчик.

– Ну ты где? Я сейчас подъеду в офис. Ты не знаешь, Серый нашел работу? Нам человек нужен во вторую смену. Я бы его взял. Позвони ему, пусть меня найдет.

Аня посмотрела на него внимательнее. Высокий молодой мальчик. С пухлыми, как у ребенка, щечками и ямочками. Спорт помогал уравнивать любовь к вкусной и здоровой пище, но уже сейчас было понятно, что со временем спорт проиграет и мальчик раздобрет

по типу «русский богатырь». Его бы назвать Хома (от «хомячок»), а она его сразу окрестила Журавликом. Была в нем какая-то мечта или полет юношеский. В общем, бросалось в глаза, что крылья ему еще никто не подрезал.

Они на секунду встретились глазами. Глаза карие. Большие, карие и равнодушные. Еще секунду, и он бы обязательно что-то сказал или спросил. Но Аня отвела глаза в окно. Он попросил остановить на следующей остановке и стал опять кому-то звонить. Телефон казался каким-то слишком маленьким в этих больших и очень мужских руках. Пожалуй, именно руки были в нем самыми взрослыми. А в остальном – мальчик. Милый-милый. Мальчик с кудряшками, ямочками на щеках и теплыми карими глазами.

Аня нащупала в кармане зажигалку, крепко сжала ее в кулаке. Через пару секунд отпустила и достала бумажный носовой платок и ручку. Написала номер своего телефона. И продолжила смотреть в окно. Перекресток уже был виден. Сейчас будет остановка. Машина стала тормозить. Журавлик уже поднялся. Аня протянула ему платок. Он не понял, в чем дело, но обрадовался и постарался как взрослый радости не выдать. Еще он не знал: выходить ему или остаться. Но всё-таки вышел из маршрутки. Машина тронулась. Следующая остановка была Анютина. Она попросила остановить раньше остановки, за светофором. И стала с улыбкой считать про себя: «Раз, два, три, четыре, пять». Зазвонил телефон. Она этому не удивилась. Номер был из неизвестных ей.

– Алё, – Аня была уверена, что это Журавлик.

– Ты можешь вернуться? – голос был бы очень взрослым и серьезным, если бы не был таким взволнованным. Такими волнительно мужественными бывают мужчины лет до двадцати пяти.

Аня прикрыла трубку рукой и попросила остановить маршрутку. А в трубку спросила:

– Зачем?

– Ты вышла?

– Да. Я уже почти дома. Так зачем возвращаться?

– Выходи за меня замуж.

Ей захотелось съязвить, что, может, лучше усыновить? Но сдержалась. Рука уже голосовала. Она еще тянула время какими-то глупыми вопросами и приколами. Вышла из машины. Он ее не видел. Было так смешно, как он сосредоточен на телефоне и ловит каждое ее слово. Она нажала кнопку. У него на лице – ужас. Он нажал повтор вызова. Она сбросила. Он помедлил и опять попытался позвонить. Она опять сбросила. Он никого не видел вокруг. Она за его спиной сказала:

– Гав!

Ей сейчас тоже было примерно двадцать.

Они гуляли. Он рассказывал, что работает, что у него большие планы. Он охранник, но, конечно, не рядовой, а самый старший среди самых младших начальников.

Он рассказывал о прекрасном будущем, потому что в этом возрасте у незолотых мальчиков настоящее непрезентабельно, а прошлого еще нет. Почти нет. А такого прошлого и настоящего, чтобы с гордостью рассказать о нем тридцатилетней женщине – нет совсем. Есть только будущее. Мечты о будущем, которые воспринимаются реальнее прошлого и настоящего вместе взятых. Очень искренне они, эти мечты о будущем, воспринимаются.

Так они стали встречаться. Он хотел ее видеть каждый день. Поэтому звонил каждый час. Поэтому через день они виделись. Видеться с Журавликом было приятно, потому что минимум дважды за свидание он делал ей предложение. Конечно, абсолютно серьезно. Кратно предложениям он признавался ей в любви. Средняя скорость – одно предложение-признание в час. Потому что больше двух часов на встречу она ему подарить не могла. Да и гулять дольше становилось совсем холодно.

Надо отдать Журавлику должное, он не настаивал на долгих пеших прогулках. Он звал ее на дискотеку и в кафе, но Аня боялась встретить там знакомых. Поэтому они дышали свежим воздухом и смотрели на звезды. Потом шли в кафешку. Аня узнала, какие заведения дешевые, и тянула Журавлика туда. Во-первых, опять же из соображений конспирации. А во-вторых, и так ясно почему. Было очень трудно придумывать поводы, чтобы не есть совсем или почти не есть. Когда Аня просила чай с лимоном, он приносил чай с лимоном и пять круасанов. Это было так трогательно. Аня ела, но ей было стыдно, не понятно за что. Однажды она попыталась заплатить за себя. Он обиделся. Сильно обиделся, а как объяснить, что обижаться не надо, и при этом еще сильнее не обидеть – Аня не знала. Вот. А ужинать хотелось. Она пила с Журавликом чай, иногда ела круасаны, а потом уходила. Журавлик просил ее остаться. Но голодная женщина очень убедительна в аргументации, почему ей надо уйти.

Еще было очень трудно его убедить не звонить после десяти вечера и не присылать ночью сообщений. Пришлось приучиться отключать телефон. И придумать уже для комфортного мужчины объяснение, почему вдруг возникла необходимость отключать телефон на ночь. Параноя с телефоном приобрела жуткие до комизма масштабы: Аня доставала симку из телефона, чтобы быть уверенной, что ее мальчики не свяжутся друг с другом через ее телефон.

И вот Журавлика собрались отправить в какую-то командировку. Неожиданную и непонятную. И на целый месяц. Ане было трудно представить, как она будет целый месяц без признаний-предложений. Надо было как-то ими запастись... Фантазии хватило только на логическое продолжение поцелуев. Для Журавлика это оказалось какое-то неожиданное счастье. Когда он уже опять обрел дар речи, спросил:

– Ты будешь скучать?

Она молчала. Одинаково глупо было и ответить ему, и промолчать. Молчать было честнее. Аня уткнулась в плечо Журавлика. У нее было чувство, что они больше не увидятся.

– Я приеду, как только смогу, – он был уверен, что именно это его обещание ее сейчас осчастливит.

– Хорошо, – Аня сказала это вслух, а сама подумала: «Зачем?»

Он примчался через три недели. Она уже забыла это странное прощание. И им было очень весело, и радость была. А потом опять вспомнились те странные драматические переживания при прошлом расставании.

Показалось, что всё вернулось на круги своя. И скорость та же. И то же ощущение себя как центра мироздания. Журавлик приехал на три дня. Потом ему надо было уехать еще на неделю. Он всё рассчитал: у них будет три свидания. Три настоящих свидания, точнее, три дня вместе. Потом он уедет. Потом приедет, и они поженятся. Но Аня отправила его в первый же вечер домой, к родителям, потому что надо же и маму порадовать. Но наутро опять возникло это странное ощущение жизни после жизни. И Аня отказалась от встречи. И на третий день тоже. Перед отъездом Журавлик позвонил:

– Я люблю тебя! Когда мы увидимся? Я так соскучился! Можно я сейчас приеду?

– Но не нужно, – Аня заваривала зеленый чай.

– Почему? – он спрашивал так, будто от ее ответа зависело, жить ему или нет.

– По кочану, да по капусте, – она посмотрела в зеркало.

– Я не понимаю, – он говорил уже очень тихо.

– И слава Богу. Я сама тебе позвоню, хорошо?

– Ты хочешь, чтобы мы расстались?

– А мы уже расстались, ты разве не помнишь?

– Когда?!

– Тогда.

– Послушай, – Журавлик играл в мужчину, – я вернусь через неделю, и ты мне всё расскажешь. Если я виноват – я всё исправлю. И если не виноват, я тоже всё исправлю. Я тебя люблю и хочу, чтобы ты была со мной. Всегда.

– У нас было «всегда», дважды. Третьего «всегда» не наступает.

Когда через неделю по возвращении Журавлик ей позвонил, она не ответила. Она вертела в руках зажигалку и смотрела на телефон. И не выпускала зажигалку из рук. Телефон звонил долго. Потом снова звонил долго. Потом была пауза. Аня не стала перезванивать. Потом опять был долгий звонок. Она отключила телефон. А на следующий день поменяла номер.

На какое-то время «тишина и покой воцарились в Муми-доле». «Старое» комфортное счастье приобрело какую-то новую остроту. А потом Аню стали посещать странные мысли.

Раньше молодые мальчики в ее жизни появлялись часто. Молодым мальчикам очень нравятся еще молодые, но уже самостоятельные женщины. Ведь это рядом с мужчиной-комфортом она была маленькой, глупенькой и финансово ослабленной. Хотя машина у нее была своя, квартира тоже была (от родителей), и даже дважды в год отдохнуть она могла на свои. Поэтому для мальчиков Аня была вполне самодостаточной и очень привлекательной особой. И они появлялись часто. А после «журавлика» почему-то иссякли. Или замечать их Аня перестала. И в комфорте стало как-то тоскливо. Появилась привычка гулять пешком одной по вечерним улицам. Сидеть одной в кафе и ужинать в полном одиночестве. Зайти одной в кино. После работы поехать к себе, сказав, что устала. Из-за любви к «журавлику»? Аня много думала об этом. Поняла, что нет. «Журавлик» был только поводом. Даже купила себе диск Берлиоза «Гарольд в Италии». Приходила домой и слушала. В общем, в один момент всё это и было выложено Майе. После паузы Майя написала: «Приезжай!» Аня испугалась, поблагодарила и сказала, что подумает. Обязательно подумает. Завтра.

Сейчас будет очень смешной момент. Потому что решение ехать в Москву Аня приняла вдруг, когда поняла, что хочет поработать дворником. Но не в родном, конечно, городе, а в Москве. За служебное жилье (чтобы не снимать квартиру). Так бывает. Вдруг захочется уставать физически. Работать руками. И на свежем воздухе. И стоило об этом подумать и написать Майе, как появилась возможность. Майя потрудилась и добыла Ане место дворника в тихом центре столицы. Сборы были стремительны, потому что такое место ждать не будет. В общем, в пятницу вечером образовалась вакансия, а в понедельник утром Аня должна была на нее трудоустроиться, и она-таки шла на нее трудоустраиваться.

III

МММ и другие

МММ – это Майя и мэрия московская. Мэрия – на Тверской. Майя – в мэрии. А чудес на свете не бывает. В этом была уверенность. И вдруг. Этот двор. Почти в самом центре. Тихом центре Москвы. Здесь почти не было старых москвичей. В числе жителей, имеется в виду. Зато было много пластиковых окон. Иногда встречались даже дерево-алюминиевые. Домофоны. И другие прочие атрибуты быта молодых успешных людей. В основном, из «понаехавших» в Москву лет несколько назад.

Служебная комната напоминала конуру. Инвентарская по размеру была примерно такая же, как жилая. Аня была в восторге. Это была не просто квартира, а настоящее служебное жилье московского дворника. Что-то вроде полуподвала. Окна ближе к потолку. Обе комнаты быстро были вычищены до блеска. На всё про всё ушло три часа времени, ведро, резиновые перчатки и несколько флаконов с достижениями бытовых химиков. Когда Аня окинула взглядом этот шестиметровый шик-блеск – поняла: смело могла бы ехать в Америку. В карьере уборщицы у нее могли быть большие успехи. Побывавший в деле подсобный инструмент для наведения чистоты складывать было негде – инвентарская тоже светилась от чистоты. Поэтому, всё «б/у» было решено отнести на помойку. Вот тут наступило удивление. Помойки в этом тихом дворе не было. Вообще. Каждый метр приспособлен под стоянку. И мешки с мусором вывозились в багажниках разных хороших машин. По утрам или в другое время – кто как. В данный конкретный момент очень хотелось, чтобы помойка была. Но тут же проснулось профессиональное сознание дворника и стало очевидно, как чудесно убирать двор, в котором нет помойки!

Ане очень захотелось чаю. Уже почти вечер. А про еду пока не вспоминалось. Она пошла искать зеленый чай, чайник и плошки, чтобы устроить чайную церемонию вместо новоселья. Тем более, скоро должна была нагреть Майя.

По дороге в магазин Аня размышляла: как добыть кружки? Стоит ли их покупать или попытаться спереть из какой-нибудь кофейни? Очень не хотелось тратить деньги. Но одна чашка – это слишком приметно. Как изловчиться и спереть единственную чашку незаметно? Подсесть к кому-то? Так могут сдать – люди ж чужие. В общем, пришлось признать, что купить – это единственная возможность сегодня вечером обзавестись чайным инвентарем.

У себя в городе Аня знала, где купить чайный набор из правильной глины. И хороший чай. Здесь, пройдя пару магазинов, поняла, что без звонка другу не обойтись. Майя назвала ближайший из нужных адресов. Глина была как надо – синяя. Чай – зеленый, руками скрученный. Аню в этой схеме устраивало всё, но всегда мучил один вопрос: насколько чистыми были те руки, что крутили этот правильный чай...

Домой в дворницкую Аня двинулась через Патриаршие. Их она открыла в один из прошлых приездов в Москву. Не в первый. Но именно в этот приезд Москва открылась, и возникла к ней любовь. Здесь на Патриарших время течет по-особенному. Его чувствуешь физически. Точнее, глупость суеты чувствуешь физически. Чувствуешь, насколько до фонаря эти твои метания для Патриарших – все твои муки и терзания меньше, чем один опавший листок. Даже посещение Воланда никак не сказалось на ПП, что уж говорить о тебе? И, что характерно, должно бы быть неприятно, если не трагично, ощутить крайнюю собственную незначительность. Но почему-то на душе хорошо – покой и умиротворение. Может быть, через ощущение собственной малости приходит другое ощущение – причастности к мировой гармонии и вечности. Сегодня ты – Аня, завтра – листок, потом – что по карме будет положено, в том облики и заглянешь на Патриаршие. Ты как капля воды в море, в которой всё море, только

в малом количестве. И с этим наполнившим до ушей чувством спокойствия и величия Аня пошла работать дворником. Шутка. Пошла заваривать чай. Правильный чай в правильном глиняном чайнике. С правильным настроением.

Сначала Майя ужаснулась. Потом рассмеялась. Потом, когда прикинула, как в духе минимализма можно обустроить эту конуру, ей даже понравилось. Майя оказалась редким не разочарованием из аськи. Возникал вопрос, как такое очарование так стабильно остается незамеченным. Только представьте... Волос на голове копна – даже завидно. Еще и в мелкую природную кудряшку. Еще и слегка рыжие. Красивые серые глаза. Формы – что надо, не формы глаз, конечно. Одета, будто только что со съемок «Снимите это немедленно!». И при всем при этом природном богатстве абсолютно свободные вечера.

– Я рада, что ты приехала, – Майя была какой-то тихой. – Знаешь, Ань, даже загадала: если приедешь – что-то в жизни обязательно изменится, не приедешь – это уже участь!

– Еще не участь, только тенденция! – Ане бодрости пока было не занимать.

– Слушай, как ты жить собираешься в Москве на дворницкую зарплату? Спонсоры в очередь не стоят. А у меня планы на активную совместную светскую жизнь.

– Май, дай мне хоть в себя прийти! Чаю попить. Двор пару раз подмести. Понять, что к чему. Я вот утром думала: от тебя пойду фитнес-зал искать, а сейчас чувствую – ни фига я не пойду его искать. Буду гулять по городу вместо фитнеса. Да и работа заменит многие тренажеры.

– И нечего искать – я тебя отведу куда надо. Гулять – это гулять, работа – это работа, а спортзал – это часть светской жизни.

– Так я от этой светской жизни сюда и сбежала!

– Это ты от «светской жизни без меня» сбежала, а со мной – это совсем другое! Вот подожди, через неделю-две сама запросишься!

– Золотые слова! Давайждемся, пока запрошусь?

Наступило утро номер два в Москве. Фронт работ даже начинающему дворнику оценить было нетрудно. План действий ясен, как пень. Двор – небольшой. Это не приблизительная прикидка, а самый точный из возможных вариантов ответа о размере. С глазомером у Ани всегда проблемы были. Всего восемь подъездов по периметру. Пространство замкнутое. Въезд один. Он же – выезд. Земли почти нет – сплошной асфальт. Поэтому грязи тоже почти нет. Деревья есть, но и они уже не в изобилии. В общем, не двор – а мечта дворника.

Сейчас сентябрь. Основная задача – мести листья. А зимой – тоже всё понятно. Надо будет ходить в церковь и молиться, чтобы выпало мало снега.

Работа дворника – это раннее утро. Тишина. В городе ее так мало. А в Москве – почти не бывает. Видно солнце и слышно птиц. Откуда они – непонятно, но ранним утром они есть. Потом днем уже ничего нет: ни солнца, ни неба, ни птиц. Как только проехали две машины с интервалом в четверть минуты – всё, природа прячется до следующего утра. Где прячется? Уму непостижимо. Но ее нет! Весь день и всю ночь, пока не заснет последний отдыхающий или снимающий стресс обитатель столичного аквариума. И вот с первыми лучами солнца и до первых двух подряд проехавших машин – на 2—3 часа летом и на минуты зимой из убежища выходит Природа. И это время дворника. Общение с рассветом плюс физические упражнения.

Работа дворника приносит много положительных эмоций, но очень мало денег. Хотя денег особо и не нужно. В первую неделю жизни в Москве. Вечером чашка кефира. Обычного русского кефира. Утром чуть-чуть творога. Чай с лимоном. После работы и душа – гулять. По пути купить какие-то продукты на рынке. Хотя покупать вовсе не обязательно и воровать не нужно, многое можно получить в подарок. Потому что Ане нужно было всего одно яблоко

или один гранат. А человеку с яблоками или гранатами надо поговорить, почувствовать, что он кому-то интересен.

– Какие у Вас яблоки красивые! – Аня научилась даже зубочистку делать поводом к общению.

– Бери, красавица, самые лучшие отдам! – на вид торговец был русский, но говорил с акцентом.

– Откуда яблочки? – Аня взяла небольшое яблоко и попыталась распознать его аромат.

– С Казахстану, – продавцу нравилось, что покупательница не спешит и со знанием дела присматривается к товару.

– А сами Вы тоже из Казахии?

– Я с Казахстану, дочка, пять лет, как уехал, жить нехорошо там стало.

– Верю, что жить там плохо стало, а вот что яблоки оттуда – сомневаюсь. На апорт они мало похожи...

– Права, дочка, не казахские они. Хорошие, но не казахские.

– Я помню казахские. Мама привозила в детстве – огромные и очень вкусные. Ни с чем не спутать.

– Да, дочка, – говорит человек почти со слезой, – яблоки из детства и с родины ни с чем не спутать... Тебя как, дочка, зовут?

– Аня, а Вас?

– Тычбеком зови, и не выкай. Я старше, но простоту люблю. Хорошее у тебя имя, девочка, – Тычбек стал перебирать яблоки, – возьми вот яблочко – угощаю. Пусть не казахское, всё равно витамин в нем есть. И за слова хорошие тебе спасибо. Еще приходи, Аня. Для тебя завсегда гостинец будет! Хоть яблочко, хоть другая фрукта, что буду торговать – такой гостинец и будет!

– Смотри, не пожалей, Тычбек! – Аня смеялась. – Я буду часто приходить!

– Да хоть каждый день ходи! Если меня здесь нет – скажи, что Тычбек прислал, что уговор у нас – и гостинец тебе будет, – Тычбек был горд, что с его словом здесь считаются.

Одно яблоко гораздо вкуснее, чем когда их много. А подаренное яблоко не сравнить по вкусу с купленным, хотя, конечно, уступает скраденному... Всё было, как сказал Тычбек. Когда его не было за прилавком, то заменявший его душевный соотечественник спрашивал: «Ты Аня?» И, получив утвердительный кивок, выдавал Ане фрукты. Так была налажена регулярная благотворительная витаминизация. А по ее завершении Аня отправлялась бродить дальше.

Еще у Ани не было никакого желания оригинальничать. Как туристка первого-второго дня, она шла одними и теми же маршрутами. То на Патриаршие, то на Арбат. Потом могла сделать круг, прогуляться новым маршрутом, но на следующий день опять шла или на Патриаршие, или на Арбат.

На Патриаршие можно ходить разными дорогами. В одну из первых прогулок она пошла по Малой Бронной. Шла-шла и наткнулась глазами на «Окно в Париж». Она здесь уже была. И не одна. Подумала: «Зайти – не зайти?» Потянуло зайти. В магазине всё та же узнаваемая красота. Вещицы, без которых, кажется, жить невозможно. И купить их надо обязательно все. Показалось даже, что вещи и сегодня всё те же, что были тогда.

Они забрели сюда с Глебом. Это для нее он был Мистер Комфорт, а все знали его под именем Глеб. Ей милостиво выделили 10 минут на осмотр достопримечательностей магазина. Они спешили в ресторан. Спорить было бесполезно, да ей и самой хотелось есть. Поэтому Аня понеслась по залу, ахая и охая. И вдруг остолбенела. На стуле как-то случайно висела оранжевая тряпичная сумочка. С большим оранжевым цветком. Она ничего не ска-

зала, даже не посмотрела на Глеба. А он молча уже шел к кассе. Ему не надо было объяснять, что значит этот внезапный приступ столбняка. Дешевле просто купить – это было выяснено опытным путем. Пока она активно двигалась и лепетала, можно было быть спокойным. Особенно если в магазине был диван и приносили напитки. Но внезапный приступ столбняка и немоты значил только одно: Аня не уйдет отсюда без этой вещи. Ни за что. И лучше не обсуждать и не спорить. Однажды ему удалось увести ее без покупки при аналогичных обстоятельствах, но наутро он поехал к самому открытию магазина, потому что... Ну, просто ему захотелось сделать Ане приятное. Сюрприз, так сказать. Ему было непонятно, но очевидно, что с некоторыми предметами у нее возникает какая-то кармическая связь, прочность которой лучше не испытывать. В общем, они вышли из «Окна» с песней. Пела, конечно, Аня. Ей почему-то вспомнился мотив песенки «Коричневая пуговка лежала на дороге». Аня смеялась и пела: «Коралловая тряпочка, и на ней цветочек – это любимая сумочка моя...»

– Как ребенок, – Глеб не мог согласиться, что и ему тоже весело, и песенка смешная, и сумочка очень даже подходит Ане, поэтому решил изобразить, что журит ее.

– Ты только посмотри: сколько позитива и витамина С в цветочке, не говоря про всю сумочку! – Аня уже боготворила эту оранжевую тряпочку.

– Надеюсь, съесть ты мне ее не предложишь, – Глеб озирался по сторонам и пытался понять, куда ли они идут, – когда я попрошу передать апельсин.

– Трудно сказать, – Аня сделала вид, что задумалась, – обещать тебе ничего не могу... Да, извини, дорогой, обещать не могу...

Он всегда любовался, когда она была такая странная. Ему очень хотелось заглянуть в ее голову и понять, что там происходит, почему она так говорит, так думает... Как она думает? Как? Это же не мысли! Это вообще непонятно что... Но это так его заводит...

Утром Глеб подарил Ане кораллы. Яркие бусы и браслет – точь-в-точь к ее новой любимой тряпочке-сумочке.

– Глебушка, – Аня потянулась под одеялом, – спасибо, дорогой, они – волшебные. Теперь я точно не стану тебя принуждать есть сумочку... Одну... А только вместе с бусиками и браслетиком! – Аня прыгнула на Глеба, как кошка. И очень нежно поцеловала.

Эти ее прыжки и резкие переходы от безумия к нежности он тоже любил.

Так было тогда, а сейчас Аня пришла сюда и всё это вспомнила. Ходила, смотрела на вещи. Увидела стул, но сумочки с цветком на нем не было. И тут ее осенило: оранжевая радость осталась у Глеба. И другую такую купить уже нельзя. Настроение испортилось. Она вышла из магазина. Мозг менеджера еще по привычке пытался решить задачу, операция получила название «Спаси рядового Сумочку-Цветочкина», даже был намечен план действий. Но тут она вышла к пруду. Увидела людей, деревья и поняла, что рядовой Сумочка-Цветочкин ей не нужен. Пусть вещица, богатая витамином С, будет там, где она есть. Надо, по возможности, оставлять после себя воспоминания, богатые витаминами.

И она пошла прочь от воспоминаний. Туда, где картины, – на Арбат. Да-да-да! Эти картины ей нравились. Особенно у одного художника, который часто оставался дольше других. Размытые силуэты Москвы. Очень светлые и прозрачные. Очень хотелось купить. А если начистоту – очень хотелось получить в подарок. Хотя бы маленькую – самую маленькую картину!

Когда Аня остановилась в третий раз, он, художник, заговорил:

– Понять не могу, то ли с работы этим путем ходишь, то ли специально заруливаешь?

– Специально. Нравится мне тут.

– Так уж нет почти никого!

– А мне Ваши нравятся. Светлые картины и прозрачные. Весна в них живет. И улыбка.

– Угадала! Какой я – такие и картины выходят. А берут их мало почему-то. Может, улыбок людям и без моих хватает. Или ни к чему они. Я складываюсь уже, помоги до мастерской донести?

Художника звали Петр. Внешне он на художника походил мало. В нем ощущалась не тонкая нервная энергия, а энергичность крепкого хозяйственника. Причем хозяйственника не только в переносном, но и в прямом смысле. Внешне он очень был похож на завхоза или на прораба – невысокий и плотный до полноты. Круглое лицо, торчащие уши и маленькие светлые глаза – это то, что бросалось в глаза. А еще в глаза бросалось, что он старательно прячет руки. И тем самым только притягивает к ним взгляд. Хотелось сказать: «Ну и что! Подумаешь пальцы-сардельки! Есть пианисты с такими пальцами – и ничего! Играют, да еще как! А для художника – это вообще не важно... Ну, смешные чуть-чуть такие пальцы-сардельки. Они же не выбиваются из облика, они очень даже органичны – и пузику, и вообще». Аня даже хотела у него спросить, чьи это картины он продает. Потому что очень они были разные: Петр и его картины.

– Вам говорили, что Вы на Санчо Панса похожи?

– И она туда же! Да что вам этот Панса дался! Вот с детства этого Сервантеса ненавижу!

– Ну, простите, – Аня еле сдержалась от смеха, – в душе Вы же Дон Кихот!

– Думаешь?

– Конечно! Такие картины может писать только человек с душой Дон Кихота. Дон Кихот-то Вам нравится?

– Нравится, – Петр задумался. – Знаешь, я никогда не смотрел на себя с этой точки зрения. Сервантес тебя не забудет! Ты нас с ним помирила, а этой вражде уже лет двадцать пять. Как звать?

– Анна, – ей хотелось добавить «королева Франции», но равновесие в настроении Петра было таким зыбким, что она удержалась.

Они шли по Арбату. Потом шли какими-то тропами по дворам.

– Пришли, могу чаем угостить, – Петр делал вид, что ему всё равно.

Аня поняла, что ему хочется поговорить. Он производил впечатление человека, который всё время оказывается в роли «младшего» или «ведомого». И в общении на равных у него всегда был дефицит. Так бывает, когда человеку с детства не дают самостоятельно найти свою точку опоры, и потом не дают, и позже опять не дают. А еще чуть-чуть времени спустя, говорят, что у него нет этой самой точки опоры. И окружают уже бессрочной опекой. И человек больше не стремится к каким-то исканиям, но томление на него иногда находит. Вот как сейчас.

В мастерской было тесно. Когда-то это была квартира. Однокомнатная квартира в центре. Наступил момент, когда пришлось выбирать: либо она будет жильем, либо – мастерской. На помойку были вынесены стены и вся мебель, кроме маленького стола и дивана. Жены дома не было. Когда она вернулась, то сказала, что это он не вещи, а ее саму вынес на помойку.

– Прощай, Петр, – сказала жена.

– Может, чаю выпьем? – спросил Петр жену.

Он и сейчас наливал чай. Только Ане.

– Так и сказал? – Аня понимала, что глупость сморозила, но сдержаться не могла.

– Ага, думал, выпьем чаю – помиримся.

– А она?

– Ушла. Не стала пить.

– Может, хоть кухню надо было оставить?

– Я большое полотно писал – нельзя было. Надо было все стены убрать. Сейчас уже отказался от больших форм. Сейчас бы не стал убирать, а тогда – никак нельзя было стены оставить! Ну должна же жена художника такие элементарные вещи понимать! Или я не прав?

– Прав.

- Вот видишь, ты – не жена художника, а понимаешь.
- Можно я буду приходить иногда, чаю попить и поговорить?
- Приходи, конечно. На Арбат заходи вечером – картины всё ловчее вдвоем нести. А хочешь, возьму тебя с собой по городу ходить? Картины искать?
- Конечно, хочу!
- Только рано надо идти, а ты, поди, спать подолгу любишь?
- Люблю, но встаю рано – дворник я!
- Чего?
- Правда.
- Руки покажи! – как-то резко изменился тон Петра.
- Вот, – протянула Аня руки.
- Ага! Руки – ухоженные, лицо – ухоженное, сумка с очками – денег стоят немалых. Это ты-то дворничиха? Я художник, а не лопух!
- Петр, честное слово, дворник я! Просто я совсем недавно дворник! Из начинающих! Раньше никогда дворником не работала, а маникюр делала регулярно. Привычка еще не прошла. До сих пор каждую неделю делаю. Ну не вру я. Пошли! Двор и инвентарскую покажу. И завтра утром приходи в полпятого – мести буду. Сам во всем убедишься!
- Пошли, – прозвучало очень серьезно и решительно.
- Ему было важно убедиться, что Аня не врет. Почему так важно? Непонятно. Но важно. Петр молчал, пока не переступил порог дворничихой.
- Ага. Уже почти поверил. Завтра рано приду, еще проверю. Если не врешь – буду писать твой двор. И картину тебе подарю. Если врешь – даже за деньги ни одну не продам! – звучало еще грозно, но гораздо теплее.
- Идет. Завтра в полпятого здесь!
- Так у Ани появилась картина ее мечты. Патриаршие, как их увидел Петр. И картина – момент истины, на которой она метет двор, а кругом – начинается осень.

Альтер эго

Проснувшись ранним утром во вторник, 10 октября, Аня почувствовала, что день готовит какой-то подвох. Она убрала двор. Предчувствие подвоха не прошло. Ни душ, ни завтрак тоже не помогли. Тогда она решила еще поспать – может, так отпустит? Долго спать не дали. Позвонила Майка и поздравила с днем рождения. Вот оно! Что-то подобное Аня и предполагала, но без Майки долго бы вспоминала, что именно. Она лежала и думала: радоваться или как обычно? Майка в категорической форме заявила, что вечером придет в гости. Думать некогда, надо было начинать «заготавливать» продукты.

Аня пошла к своему другу на рынок – за фруктами. Шампанское уже ждало подруг в холодильнике. Мартини просто ждало. А сливовое надо было еще купить. Не то чтобы планы были такие грандиозные, просто еще была не понятна концепция предстоящей вечеринки. И, соответственно, не назначен напиток вечера.

Тычбек удивился, что Ане понадобилась почти оптовая партия фруктов. Пришлось признаться, что у нее день рождения. Он пожелал Ане здоровья и счастья, и стал накладывать в пакет яблоки, груши, бананы, орехи.

– И не обижай меня! Убери деньги! – Тычбек чуть не визжал.

– Тычбек, давай так: два килограмма я покупаю, а ты в подарок мне еще чего-нибудь дашь. За одно яблоко я тебе никогда денег не предлагала. Так что – без обид.

– Хорошо, один кило покупаешь. Остальное – в подарок!

– По рукам!

Когда уже всё было сложено в пакет, Тычбек полез под прилавок, чем-то упорно шуршал, потом вылез, сияя от счастья.

– Вот, это мне родня из Узбекистана прислала. Настоящий киш-миш – возьми, дочка!

Что-то живое и пахучее лежало на ладони Тычбека. Такую гроздь, как котенка, в руки взять страшно – вдруг раздавишь внутри что-то...

– Тычбек, спасибо. Это такой подарок! Такой... К такому винограду и вина не надо!

– Угодил, да? Угодил? – Тычбек был счастлив.

– Не то слово, дай я тебя поцелую!

Аня мыла виноград в тазике. Нежно поливала, чтобы не повредить. Переложив гроздь на тарелку и пошла выплескивать воду. В воде что-то плавало. Раковина виноградной улитки. Подумала, что улитка умерла и стала просто ракушкой. Оставила ее на память – на подоконнике. Виноград закончится быстро, а ракушка будет о нем напоминать.

Ракушки – это еще и мысли о море. Сейчас бы на пляж... Дискотека на пирсе. Как-то незаметно открылась бутылка мартини. Вот люди живут у моря и не знают, какие они счастливые. Ракушки не собирают. Восход-закат не встречают. Даже купаются редко...

Майя разбудила именинницу второй раз за один день рождения.

– Подруга, и снова с днем варенья!

– Май, я сейчас на море была, – Аня еще не могла открыть глаза, – там хорошо-о-о-о-о-о...

– Ты уже всё выпила или мне оставила? – Майя пыталась определить степень опьянения подруги.

– Обижаешь! Я просто не ела с утра, вот мартини и подкосило.

– Подарок здесь вручать, или мы в приличное место пойдем?

– Честно?

– А то!

– Не хочу куда. У меня тут фрукты, мясо, виноград, вон какой чудесный, – давай тихонько отметим? Можем Бриджит Джонс включить – третьей будет, – Аня подмигнула Майке.

– Сильная команда собирается, однако...

Майе тоже было утром на работу, поэтому она решила не сопротивляться.

– Ну, по-тихому, так по-тихому. Держи подарок! – она протянуло что-то длинное, стараясь особо не шевелить предмет.

Аня стала разворачивать, и где-то рядом зашелестел дождь. Она посмотрела в окно – сухо. Опять стала разворачивать – шелестит дождь.

– Посох дождя! – она уже забыла, что давно хотела эту игрушку.

А Майя запомнила оброненные слова об этой штуковине. Так приятно, когда у тебя есть ручной дождь. Весь вечер в дворницкой то шелестел легкий летний дождик, то весенний ливень, то осенние редкие монотонные капли. Наконец решили, что надо устроить настоящую грозу с громом, и открыли шампанское.

– Май, представляешь, это первый МОЙ день рождения...

– Как это?! – Майя даже перестала пить.

– Так. Сначала это был праздник для родственников, потом для родственников и друзей, а последние два года – для партнеров Глеба. А я даже и не замечала, что моего праздника у меня нет... Просто радости от этого дня не было. Нет, ну поводом праздника я себя чувствовала. А сама и не знала, чего я хочу. И нужно ли чего-то хотеть в свой день рождения – тоже не задумывалась.

– Ты преувеличиваешь... Это же всё близкие...

– Ага, только я почему-то себе далекая...

Майя ушла. А «дождь» всё шел и шел. Посох дождя оказался настоящий, шаманский. Ночью на улице зашелестел настоящий дождь. И это очень хорошая новость, потому что можно проспать работу.

Наутро Аня обнаружила, что виноградная ракушка пропала. Она не придала этому значения. А потом увидела ракушку на листе алоэ. На подоконнике жил суккулент – единственное растение, вызывающее нежность в Анином сердце. Рос куст хорошо, потому что по всем правилам был скраден в мэрии.

В общем, улитка оказалась живой и приняла крестное имя Уля. Она оказалась очень удобным домашним животным: не надо гулять, не надо мыть, шерсти нет, запаха – тоже нет. На корм особо тратиться тоже не надо – один огурец на месяц. Правда, оказалось, что улитка попалась очень шумная. Очевидно, из редкого рода улиток-экстремалок. Она сидит-сидит на листочке – а потом как кинется на подоконник! В абсолютной тишине падение улитки – жуткий грохот... Потом опять ползет на макушку алоэ. И примерно через неделю – опять встряска всем обитателям квартиры.

Надо сказать, что и куст алоэ рос причудливо. Хотя Аня его постоянно поворачивала, он настойчиво выгибался и рос вбок. И если бы Улька кидалась вниз с нижнего листа, то приземлялась бы мягко – на землю. Но она, как и все обитатели дворницкой, не искала легких путей и ползла с маниакальным упорством на вершину суккулента. А с этой вершины, при Улькиных талантах парить в воздухе, зацепить хоть край мягкой посадочной площадки в горшке было нереально. Только жесткач. Только подоконник. А при сильном ветре – стекло. Хорошо, что ветра не было ни разу. И она снова и снова с грохотом падала на подоконник. А может, именно ветра она и ждала? А стекло было ее настоящей целью? Может, в ней билось маленькое сердце большого путешественника?

IV

Наступил день, когда гулять стало как-то не по погоде. Появилось много времени. Надо было его чем-то занять. Аня решила устроиться в клининговую фирму. Работать поздним вечером или ночью. Чтобы не сталкиваться с офисными жителями. Только придумывать, какие люди здесь работают. И танцевать, как Золушка, со шваброй.

Была и корыстная цель. Хотелось заполучить приличный кабинет, пусть и в очень временное пользование. Аня начала писать. Пыталась в дворницкой комнате. Как-то не пошло. Невозможно было изжить привычку еще со студенчества – не работать дома. Обязательно попадалось что-то (книжка, фотка, грязная кружка), что требовало немедленного действия и не давало сосредоточиться. Тогда Аня решила писать в кофейнях. Опять не пошло. Хотя были часы и заведения, когда и где нет ни души на протяжении пары-тройки часов. Но с любопытством поглядывали официанты. В самый неподходящий момент заходили посетители. А процесс стучания по клавишам – очень интимный. Некомфортно, когда за выражением лица ведут наблюдение и пытаются разгадать, что за эмоции отображаются на нем и чем эти улыбки, блеск глаз или нахмуривание лба вызваны.

Поверили? Это ж легенда! Аня не из тех, кого сильно смущают любопытные взгляды. На самом деле точку в работе в кофейнях поставил конкретный случай в «Шоколаднице». Она пришла около трех, когда бизнес-ланч уже закончился и должны были начаться несколько «мертвых» часов. Сюрприз – в зале полно народу. Столики пустые есть, но на них лежат какие-то бумаги. Официанты смотрят странно.

– У вас обслуживание? – Аня поняла, что выяснять придется самой.

– Уже закончиться должно было, – как-то неуверенно сказал официант, – но мест еще нет.

К Ане подскочила молодая девушка с бейджем – ага, организатор начала щебетать:

– Мы уже закончили презентацию, гости уже уходят, Вы присаживайтесь, мы уже уходим.

Аня села за столик. Откуда-то вернулись люди и сказали, что они еще не уходят. Аня пересела за другой столик и здесь оказалось занято. Ей не хотелось идти еще куда-то, хотелось кофе и что-то на мотив «Моцарта». Она дождалась-таки столика и приготовилась сделать заказ. На минуту в кофейне осталось пять-шесть человек. Было тихо, и даже музыку, что шла фоном, стало слышно. И вдруг снова вытянулись лица у официантов: в зал зашла невеста. В пышном белом платье, фате и с букетом. Аня стала внимательно осматриваться по сторонам – нет ли камер, не кино ли в стиле сюр снимают? За невестой появился жених и гости. Кто-то из свиты невесты объявил, чтобы гости рассаживались на свободные места. Гости были какие-то тихие и невеселые. Хорошо было только невесте – платье, видимо, так действовало. Жених был грустен, но лишь слегка. Видимо, тоже последствия костюма. Всем предложили выбирать чай и пирожные.

Аня попросила коньяку. Только с расширенными сосудами мозг согласился воспринимать сие действо. Стало понятно, что кроме Ани появилось очень много желающих экономить на аренде, даже в день свадьбы. Такой кабинет общего пользования вдохновить мог на многое, но к работе в этом жанре она считала себя пока не готовой. И потом противнее всего ей стало от себя. «Если ты упорно стараешься не замечать, что вокруг тебя чужая свадьба идет, – значит, тебе совсем некуда пойти. Почувствуй себя бомжом, свободный, блин, художник!» После этой истории Аня решила ходить в кофейню пить кофе и только. А для работы нужно было найти место, чтобы там было электричество и не было людей и суеты.

Опять помогла Майя. Через хозяйку фирмы, которая наводила порядок в мэрии, нашла место для подруги. Правда, сначала был разговор с пристрастием.

– Ань, ты умом не тронулась часом?

– Почему, Май?

– Посмотри на меня?

– Май, это с тобой что-то не так!

– Дорогая, ну сначала – дворник. Ладно, я привыкла. Сейчас – в уборщицы хочу. Это уже похоже на сдвиг какой-то...

– Майя, всё просто. Как у дворника у меня есть жилье. Идти на полный рабочий день в офис – не буду успевать двор убирать. Терять жилье халявное – не хочу. Если снимать квартиру – от офисной зарплаты будет оставаться чуть больше чем дворническая. Смысл? Поэтому надо еще работу, чтобы не забивала мозги и длилась максимум 3—4 часа. Желательно ночью, чтобы потом сразу двор убирать. И чтобы на жизнь время оставалось. Есть, конечно, варианты ночного приработка. Но я выбираю самый экстремальный – мыть пол.

– Вроде бы логично излагаешь. Но чую в твоих речах подвох. Колись! А то не буду помогать.

Насколько Майя успела изучить Аню, настолько же произошло и обратное. Аня поняла, что подруга не блефует. Посмотрела на Майю еще раз. Точно не блефует, блин.

– Права! Кругом права. Готова сделать чистосердечное признание. Пишите, «товарисч»! – Аня изобразила Ильича в юбке.

– Только диктуйте помедленнее! Навык почти утерян, – Майя стала подыгрывать.

– Радует, что способность шутить Вы, Майя, не утратили, – Аня поправила воображаемые очки. – Подвоха нет. Я не лгала Вам. Просто работа на свежем воздухе даровала мне вдохновение!

– Боже! – Майя выронила воображаемый блокнот и ручку. – Вы, Анна, подпольно пишете стихи или музыку? Для эстрады?

– Не угадали...

– Боже! Симфоническую?! Ах! – Майя изобразила обморок.

– Не угадали два... – Аня изобразила Гиппиус, изящно курящую через мундштук, – я, видите ли, больше прозаик.

– Ах, Вы выбрали самую неблагодарную тему! Про заек уже столько и в стихах, и в музыке написано! – Майя, тоже закурила воображаемую сигарету. – Меняй тему, дорогуша!

– Майя, предлагаю выйти из Серебряного века, – обе молча избавились от воображаемых аксессуаров и вернулись «на ты».

– Если я тебя правильно поняла, ты что-то начала писать?

– Именно. Пока это рассказ.

– Знаешь, а я не удивилась, – действительно не удивившись, сказала Майя, – чего-то в этом роде я ждала. О чем рассказ?

– О глупостях и мелочах, которые в конечном итоге составляют процентов на 80 нашу жизнь.

– Людей или женщин? Жизнь, я имею в виду чья?

– Женщин, конечно! Что я знаю про людей – сама подумай.

– Ясно, значит, про любовь рассказ.

– Точно! Майя, вот ты пришла и одним словом всё назвала. Ты уверена, что ты – женщина?

– Дорогая, сомнения меня посещают всё чаще...

– Посмотри мне в глаза! – Аня пыталась изобразить гипнотизера, – могу развеять Ваши опасения: Вы – женщина.

– Критерии оценки?

– Всё очень просто. Надо мысленно задать вопрос: красивый или красивая? О Вас, Майя, можно однозначно сказать: «Красивая». Окончание говорит о том, что Вы – женского рода, то есть – женщина.

- Метод определения точен?
- Он научен! Вероятность ошибки есть, но в данном случае она составляет 0,01 процента.
- Спасибо, доктор! Или как Вас там? Вы меня успокоили.
- Тогда, может, по чаю?
- С удовольствием! Слушай, Ань, я иногда тебе даже завидую.
- Чему именно?

– Так далеко я стараюсь не задумываться. Как только понимаю, что начинаю завидовать, – сразу себя торможу! Вдруг возьму, думаю, и выкину какой-нибудь финт а-ля ты. А в нашей команде хоть кто-то должен оставаться на легальном положении и с ясной перспективой.

Так, поняв, что в Анином желании стать еще и уборщицей нет ни тени романизма, а есть только логика и расчет, Майя начала действовать. С Аллой, хозяйкой «Клининг-класс», они тщательно обсудили задачу: самая высокая ставка, не очень большой участок работы, центр, ночная уборка, уборка помещения максимально комфортного и с хорошим видом из окна. Подходящий вариант нашелся: бизнес-центр, и всего в четырех кварталах от Аниного двора. Дольше одиннадцати здесь не задерживались. Уборку можно было начинать в двенадцать-час ночи. На моющий пылесос, швабру и расстановку мебели нужно было полтора часа максимум. Двор надо было убирать в полпятого. То есть можно было легко выкроить два часа на то, чтобы постучать по клавишам в удобном кресле в кабинете с панорамным остеклением, отхлебывая хороший кофе и глядя на огни ночного города.

Огни не гаснут всю ночь. Первую половину, пока Аня наводила марафет, они горели очень ярко. А стоило снять перчатки, помыть руки и налить кофе, огни становились камерными и было так клево стучать при них по клавишам.

Однажды, глядя на огни, Аня вспомнила, что не предупредила об отъезде своего комфортного мужчину. Сняла трубку и набрала номер. После второго гудка посмотрела на часы, после третьего поняла, «сколько утра» сейчас в ее прошлой жизни, и уже хотела положить трубку, но раздалось «алло» хриплым от сна голосом.

– Привет, дорогой.

Пауза могла быть и покороче.

– Это Аня, извини, что так рано позвонила.

– Ты всегда всё путаешь. Поздно.

– Почему поздно? У вас раннее утро.

– Именно, у нас раннее утро.

– Ой, ты не один. Извини.

– У тебя стал другой голос.

– А что у тебя нового?

– Как обычно, всё хорошо.

– Я рада, что твое хорошо не зависит от моего присутствия. Или отсутствия. Выбери сам, чтобы не было наоборот.

– Я думал, что просчитал тебя на 99,9%.

– Исключения только подтверждают правила.

– Какое в данном случае?

– Что ты всё можешь просчитать на 99,9%.

– Почему звонишь сейчас?

– Вспомнила.

– Спасибо. Всего два месяца понадобилось, чтобы обо мне вспомнить – тебе было со мной так плохо?

– Ты уверен, что именно этот вопрос тебя интересует?

– Ты планируешь вернуться?

– А куда мне возвращаться и зачем? Чтобы вернуть веру в возможность 99,9%?

- Да.
- Вот теперь я тебя узнаю. Извини, что не предупредила об отъезде. Я думала, ты и не заметишь ничего.
- Я думал, что ты перебесишься и вернешься.
- А я наоборот – совсем уехала.
- Да, я в курсе – твоя мама мне сказала.
- Я придумала, как искупить вину. Если я решу вернуться – ты первый об этом узнаешь!
- Польщен.
- А что? Встретимся. Познакомишь со своей новой девушкой. Обещаю, если почувствую в ней родственную душу – предупрежу тебя немедленно.
- Хорошо. Звони.
- Больше не буду. Извини.
- А что ты хотела?! Ты звонишь среди ночи, после двух месяцев молчания и ждешь, что я буду прыгать от радости и болтать с тобой, будто ничего не произошло?
- Да. Разве я многого хочу?
- Я всё время забывал спросить, зачем тебе зажигалка? Ты же не куришь.
- Чтобы решать – начинать роман или нет.
- И про меня ты так решила?
- Нет, к сожалению. Просто зажигалку в пальто забыла.
- Надо было тебя пороть...
- Ага, может, и мне тогда было бы гораздо легче жить. Больше не потревожу. Считай, что это был просто ночной кошмар. Спасибо, что научил выбирать и заваривать чай. Желаю тебе здоровья в личной жизни. Пока.
- И очень тихо нажала на кнопку.

Это «тихо нажала» что-то Ане сильно напомнило. Так же тихо она положила трубку, когда говорила с Глебом первый раз. Она искала работу. Ситуация была самая благоприятная. Первый зрелый возраст – 26 лет и переходное состояние в личной жизни. Аня переходила из одних отношений в другие, только вот предыдущие уже закончились, а следующие еще не начались. Пауза не тяготила. Хотелось ее выдержать какое-то время. Насладиться, так сказать, одиночеством. И это, подумалось, самый подходящий момент, да и что там лукавить, повод что-то сделать для себя, помимо новой прически. Так, в Интернете была обнаружена свежая и достаточно странная заявка: «В крупную производственную компанию, работающую на международном рынке, требуется маркетолог. Специализация – стратегический маркетинг. Образование – высшее экономическое. Английский – свободно. Готовность к командировкам. Презентабельная внешность. Адекватное чувство юмора». Чувство юмора Аню зацепило, и она позвонила. Ее попросили прислать резюме и перезвонить через день. Она стала сочинять себе «Си-Ви».

Аня решила написать всё честно. Не врать. Только скрыть некоторые факты. Что экономист по базовому образованию – она указала, а что экономист-эколог – нет. Что проходила дополнительное обучение по курсу «маркетинг» – написала, а что это был трехдневный семинар – нет. Принцип она поняла – а это главное. Не зря же она в качестве аналитика при областном министерстве внешних связей все практики проходила. Про английский не соврала – учила, а слово «свободно» решила заменить на «и французский». Сомнения были, но не терзали. Если люди пишут про чувство юмора – значит, договориться с ними можно. Она позвонила через неделю и ей назначили собеседование уже на сегодня.

Костюм, очки и туфли с минимально достаточным каблук. Секретарь посмотрела на нее внимательно. На груди у секретаря было написано «Маша».

- Достаточно представительно? – спросила Аня у Маши.

– Вполне, Глеб Борисович готов Вас принять.

На двери была табличка «Финансовый директор». Ане стало понятно, кто будет ее начальником при определенном стечении обстоятельств.

Глебу Борисовичу Вышанскому было около сорока или чуть за сорок. Холеный, лохотеный. Лицо непроницаемо. Очки пищали от стрижки. Стрижка млела от парфюма. Галстук балдел сам от себя. Костюм тихо постанывал от помещенного в него идеально накачанного тела. А ботинки, если бы не были плотно поставлены на землю, то воспарили бы, аки сандалии греческого бога. Да что там! Лучше бы воспарили, конечно. Хозяин всего этого разрешал всему и всем вокруг обожать его и пищать от восторга. Только тихо.

– Расскажите о себе, – перед ним была какая-то таблица, и он что-то отмечал в ней галочками.

Аня не успела еще сказать ни слова. Она только делала первые шаги к столу, а он уже поставил несколько галочек.

– Скажите, а чувство юмора – это ключевая компетенция для кандидата на должность маркетолога в Вашу компанию?

Он поднял на нее глаза, в них читалось: «Чиво-чиво-чиво?» И даже бровь была приподнята. Левая. Правда, только в его взгляде.

– Адекватное чувство юмора, если мне не изменяет память – именно об этом шла речь, – он что-то опять пометил в таблице.

– Адекватное чему? Извините, но это важно уточнить на берегу.

– Скорее, кому, – он не стал опускать глаза и наблюдал за Аниной реакцией.

– Хорошо, адекватное кому – скажите, пожалуйста.

– Вы аналитиком, кажется, трудились?

– Трудилась.

– Если столь полезная привычка не утрачена, то ответ Вам получить не сложно.

– У Вас это тоже ключевая компетенция?

Глеб Борисович молчал. Секунд двадцать. Потом сказал:

– Спасибо. Вам позвонят и сообщат о результатах собеседования в течение трех дней.

Аня встала и пошла к выходу:

– Спасибо и всего доброго, Глеб Борисович.

Закрыв дверь, она, наконец, начала дышать. Шаги до стола секретаря Маши были очень трудными, будто идешь по снежной целине. А снега выпало по пояс. Попросила у нее воды.

– Может, кофе? – Маша говорила с Аней уже как с подружкой.

– Нет, воды! Что это было, Маша? – Аня не могла пошевелить ни рукой, ни ногой.

– Сочувствую. Это обычная история! Я сама боюсь с ним общаться. А что он тебе сказал? – Маша принесла воду.

– Спасибо, – Аня выпила залпом стакан воды, – Вам позвонят про результаты собеседования в три дня. В течение трех дней, в смысле. Можно еще воды?

– Конечно.

Маша быстро принесла второй стакан.

– Знаешь, даже не знаю, что значит у него это «спасибо». До тебя кандидатам он говорил просто «до свидания».

Через два дня Аня вышла на работу. Контора была не то чтобы очень богатая, она была супербогатая. Аню посадили в отдельный кабинет. Здесь был кондиционер, плазма с системой видеоконференции, хорошая мебель, кресло, в котором удобно было мыслить о стратегическом маркетинге. Телефон с кучей функций, которые, если надо, обеспечат связь и с космической станцией. Было даже подозрение, что есть такая комбинация кнопок, при которой этот аппарат еще и печет блины. Телефон сотовый – само собой. Но не было компа. Потом она

присмотрелась к коврику для мышки – он показался толстоватым... Это оказался бук, и этот бук был тоже что надо. «Если здесь маркетолога в таких условиях держат, то что же-с» – Аню прервал звонок телефона. Глеб Борисович просил зайти.

– Рабочее место Вас устроило?

– Вполне, спасибо, – Аня сдерживалась, чтобы не начать танцевать и петь, как Тоська в «Девчатах».

– Хочу рассказать, чем еще Вам сможет помочь компания, – Глеб Борисович оторвался от монитора, – обеды, бензин, фитнес-зал – корпоративные карточки Вам выдаст секретарь, как только они будут готовы. Сотовая связь – само собой. Тут Вам карточка не нужна.

– Спасибо.

– Сейчас осваивайтесь, Маша Вас проведет по офису и познакомит с сотрудниками. В двенадцать у нас корпоративный обед. Поговорим о делах. Я Вам позвоню, когда выходить.

– Хорошо.

Маша провела Аню по офису. Знакомиться особо и не с кем было. Добывающее предприятие базировалось в области, а здесь сидели только директора: финансовый и генеральный. Еще наезжал по безопасности. Еще здесь была штаб-квартира главного бухгалтера. Все остальные только мечтали переселиться сюда, в городской офис.

Аня удивилась, но вопросов пока задавать не стала. Вернулась в свой кабинет с чашкой кофе. Стало еще уютнее. Достала диск Бутмана и запустила клипы. Потом стала осматривать стены: куда и какие фотографии можно будет повесить. Получилось, что надо купить пять одинаковых черных рамок. И фотки напечатать обязательно черно-белые. Обещало неплохо получиться. Потом подумала, какие туфли надо сюда принести. Две пары подходили очень хорошо, но подходящих балеток в гардеробе вспомнить не удалось. Аня сделала еще одну запись в ежедневник. Потом полезла в Интернет: изучила сайт конторы и стала искать информацию из других источников. Тут позвонил новый шеф и сказал, что ему надо срочно уехать, поэтому совместный обед отменяется. И, в принципе, до завтра она может быть свободна.

Работа Ане нравилась всё больше и больше. Задачи она себе наметила и решила не откладывать покупку рамок, балеток и отбор фотографий.

На следующий день она продолжила раскопки в Интернете, а еще попросила у Маши папки с документами для ознакомления.

– Маш, только ничего секретного мне не давай – я жить хочу, – Аня пошутила.

А Маша с непривычки к Аниным шуткам напугалась. Потом протянула папку:

– Ань, хоть ты будь человеком, а?

– Только ради тебя, Машуля!

Аня стала смотреть документы, и тут в ее голову полезли вопросы...

Главный был один: зачем она здесь? Ни маркетинг, ни реклама им не нужны – они монополисты. Махровые монополисты! Им неслыханно повезло не только на вчера и на сегодня, но и на несколько десятков лет на завтра, потому как не предвидится появления у них конкурентов. Нет больше в мире второго такого по величине месторождения, и намеков, что его найдут, тоже нет. А тройка мелких в развивающихся странах – даже если объединятся – силой не станет. «Надо было вчера это всё раскапывать, чтобы не переть сегодня туфли с рамками», – Аня поняла, что она чего-то не знает. Тут позвонил шеф и объявил, что настало время корпоративного обеда.

Она не знала, как начать разговор. Здесь, в порше, ее вопросы казались, мягко говоря, не в тему. А опасения – так просто смешными. Они уже подъехали к ресторану.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.